

Латышева Алина Александровна,
студентка Юридического института,
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

Сороколетова Марина Александровна
старший преподаватель кафедры трудового
и предпринимательского права,
Белгородский исследовательский университет

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА НА ЖИВОТНЫЙ МИР, ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ОХРАНА

Аннотация. Статья анализирует правовой режим животного мира в России как объекта публичной собственности и природного ресурса. Показано соотношение административно-правовых и гражданско-правовых инструментов (лицензии, договор, конкурс) при пользовании, прежде всего объектами охоты. Обсуждаются споры о возможности применения модели частноправовой собственности к диким животным в состоянии естественной свободы. Делается вывод о недостаточности вещно-правовой конструкции и необходимости публично-правового наполнения режима с опорой на ст. 9 Конституции РФ.

Ключевые слова: Собственность, животные, охота, лицензия, публичность, распоряжение.

В новейшей России принят Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» (далее – Закон о животном мире) [3], в ст. 1 которого сказано, что животный мир представляет собой совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию Российской Федерации и находящихся в состоянии естественной свободы, а также относящихся к природным ресурсам континентального шельфа и исключительной экономической зоны Российской Федерации. Статья 4 Закона о животном мире животный мир, во-первых, относит к природным ресурсам Российской Федерации и, во-вторых, указывает, что в пределах территории Российской Федерации он является государственной собственностью.

Закон о животном мире определяет две категории объектов животного мира:

а) объекты животного мира, которые являются объектами охоты (их перечень указан в постановлениях Правительства РФ, и пользование этими объектами допускается в установленном законом порядке на основании лицензии);

б) объекты животного мира, не отнесенные к объектам охоты. Добывание или иное использование таких объектов животного мира согласно ст. 43 Закона о животном мире допускается только по разрешениям специально уполномоченных государственных органов.

Законодательство, регулирующее пользование объектами животного мира, использует наряду с административно-правовыми (лицензия) гражданско-правовые (договор, конкурс, сервитут) средства регулирования отношений. Предоставление лицензии на пользование животным миром производится по результатам публичного конкурса с последующим заключением договора о передаче в пользование территорий, акваторий, необходимых для осуществления пользования объектами животного мира.

Заключение договора о предоставлении в пользование территорий, акваторий, необходимых для осуществления пользования объектами животного мира, отнесенными к объектам охоты, включает следующие этапы:

- извещение организатора о проведении конкурса, которое по своей правовой природе представляет одностороннюю сделку организатора конкурса;

- подачу участником конкурса заявки, являющейся односторонней сделкой, совершенной под отлагательным условием;

- конкурс как процедуру выявления победителя и содержания будущего договора;

- заключение договора по результатам конкурса.

В соответствии с действующими правовыми нормами соглашение о выделении территориальных и водных зон, необходимых для использования дикой природы, является юридически обязательным соглашением. Настоящее соглашение заключается, с одной стороны, между органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации, действующим совместно с землевладельцами, землепользователями и собственниками земель лесного фонда, расположенных на выделенной территории, и специально уполномоченным государственным органом, наделенным полномочиями по управлению водными ресурсами и их использованию. На противоположной стороне соглашения находится заявитель, желающий получить долгосрочную лицензию на эксплуатацию ресурсов дикой природы. С помощью этого механизма определенные участки земли или воды передаются во временное пользование для облегчения взаимодействия с дикой природой, классифицируемой как объекты охоты, на срок, точно соответствующий указанному в выданной лицензии.

С точки зрения юридической классификации, это соглашение считается неназванной договорной конструкцией в гражданском праве, не имеющей четкого типологического определения в рамках традиционных договорных категорий. Это не вписывается ни в рамки купли-продажи, ни в соглашения о залоге или аналогичные сделки, которые предполагают отчуждение соответствующего объекта или потенциально могут привести к его отчуждению. Такие правовые механизмы принципиально неприменимы к существам, принадлежащим к животному миру [5].

Несмотря на обширные научные исследования, юридическому сообществу еще предстоит прийти к единому мнению относительно имущественного статуса диких животных, не отнесенных к охотниччьим видам, а также относительно правового статуса отдельного дикого животного, существующего в состоянии естественной свободы. Это отсутствие доктринального консенсуса очевидно как в науке гражданского права, так и в законодательных актах. Вероятная причина кроется в структурном отсутствии – как в юридической науке, так и в нормативных документах – строгой концептуализации и систематического объяснения права собственности применительно к биологическим ресурсам, таким как дикая природа [3].

Несмотря на то, что существование государственной собственности на дикую природу широко признано и редко оспаривается учеными-юристами, появилась противоположная точка зрения. Эта позиция критикует распространение моделей гражданско-правовой собственности – особенно тех, которые основаны на индивидуализированных правах собственности – на объекты, составляющие дикую природу. Согласно этой аргументации, такое перенесение является юридически несостоятельным и доктринально необоснованным, учитывая экологические, юридические и онтологические различия, которые отличают дикую природу от обычных объектов собственности.

И. Лукахин подчеркивает, что «концептуальные категории "публичная национальная собственность" или, точнее, "публичная собственность особой классификации" наиболее точно отражают неотъемлемые характеристики природных объектов как правовых явлений. Взаимодополняющие позиции в научном дискурсе признают, что, несмотря на их происхождение вне сферы производственной деятельности человека, такие объекты, тем не менее, участвуют – хотя и ограниченным и часто косвенным образом – в товарном обороте.

Именно отсутствие у них антропогенных признаков в сочетании с присущими им физическими и экологическими ограничениями является основанием для особого правового режима. Это часто проявляется в форме особого статуса, такого как статус непризнанного юридического лица, которое считается "собственностью народа"» [6].

Дальнейшие аналитические подходы предполагают более радикальный отход от существующих законодательных конструкций. В частности, утверждается, что существующая юридическая классификация диких животных, находящихся в состоянии естественной автономии, как государственной собственности несовместима с основополагающими принципами теории права. С этой точки зрения предлагается, чтобы такие объекты были переосмыслены в соответствии с альтернативными классификациями, включая "национальное богатство", "глобальное наследие" или "важнейшие биотические ресурсы, необходимые для существования и непрерывности популяций, проживающих в соответствующих биорегионах" [7].

Предполагая, гипотетически, что дикая фауна, существующая в условиях естественной свободы, подпадает под категорию государственной собственности, приходится задаться вопросом об основополагающей предпосылке: могут ли такие объекты быть точно классифицированы как "вещи" в юридическом смысле? Юридически "вещь" обозначает объект в материальной сфере, характеризующийся физической массой и пространственной определенностью – критерии, которым дикие животные, как биологические организмы, несомненно, удовлетворяют.

Однако юридическая конструкция "вещи" определяется не только физическими признаками, но и способностью подчиняться контролю человека – будь то физический захват или интеллектуальное господство. Следовательно, любой объект, который, хотя и встречается в природе, остается за пределами современного человеческого доступа или контроля – будь то из-за технологических ограничений или присущей ему непредсказуемости, - не может быть классифицирован как "вещь" в рамках гражданского права. Как сказано в другом месте, "объекты, порожденные естественными процессами, но остающиеся фактически недостижимыми и неуправляемыми при преобладающих возможностях человека, выходят за рамки определения вещей как юридических лиц".

Дикие животные, живущие в условиях естественной свободы, не ограничены территориальными границами; их способность к миграции подчеркивает фундаментальный правовой принцип – они не могут быть объектом собственности человека. Отсутствие пространственной привязанности делает невозможным их законное присвоение. В рамках гражданского права одной из необходимых предпосылок для отнесения объекта к категории "вещь" является его применимость для использования человеком, т.е. способность выполнять определенные утилитарные функции при преднамеренном взаимодействии. Однако именно недоступность диких животных в их неприрученном и свободном состоянии исключает такое использование. Следовательно, эти животные в их свободном состоянии не подпадают под юридическую конструкцию "вещей" и, следовательно, не могут быть объектом имущественных прав в соответствии с нормами гражданского права.

Несмотря на это, объекты животного мира – в частности, поскольку они признаны природными ресурсами в пределах юрисдикции Российской Федерации – классифицируются как находящиеся в государственной собственности активы, находящиеся под государственным суверенитетом. Эти биологические ресурсы находятся не в собственности, аналогичной частной собственности, а скорее в режиме общественного доверия, где основной обязанностью является защита коллективных интересов. Таким образом, управление такими ресурсами требует гибридного подхода к регулированию, при котором гражданско-правовые механизмы сочетаются с императивами публичного права.

Анализ правовых положений, в частности части 2 статьи 9 и статей 10 и 11 Земельного кодекса Российской Федерации, выявляет структурное расхождение между полномочиями, осуществляемыми публично-правовыми образованиями (т.е. Российской Федерацией, ее субъектами и муниципальными образованиями), и полномочиями, осуществляемыми частными собственниками в соответствии с Законодательством Российской Федерации [1]. В то время как частная собственность подразумевает всеобъемлющее господство, характеризующееся контролем, извлечением выгод и возможностью отчуждения, государственные структуры задействованы главным образом в административных и регулирующих целях.

Действительно, юридические полномочия этих государственных субъектов определяются не с точки зрения эксплуатации земли как экономического актива, а скорее с точки зрения функций управления: распределения, зонирования, регулирования и сбора доходов (например, налогов, арендной платы). Эти виды деятельности, хотя и связаны с землей, не являются собственностью в гражданско-правовом смысле слова "доминус". Вместо этого они представляют собой проявление государственной власти и административного надзора, в отличие от отношений собственности, предусмотренных статьей 5 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В этом контексте управление земельными ресурсами и дикой природой государственными субъектами следует рассматривать не как осуществление права собственности в общепринятом гражданском смысле, а как выполнение обязательств по рациональному управлению. Это различие имеет решающее значение для определения сферы применения и ограничений гражданского и публичного права в управлении природными ресурсами, и оно подчеркивает необходимость создания правовых рамок, которые объединяли бы как логику собственности, так и подотчетность общественности.

В соответствии с частью 1 статьи 209 Гражданского кодекса Российской Федерации право собственности охватывает юридические возможности по владению, пользованию и распоряжению имуществом. В рамках гражданского права собственность концептуализируется не просто как формальный статус, но и как выражение экономической власти, осуществляющей субъектом в отношении материального природного объекта [2].

С теоретической точки зрения, преобладающая интерпретация права собственности распространяется на сферу природных ресурсов, включая дикую природу.

Это утверждение, несмотря на его концептуальную структуру, вызывает существенные юридические возражения. Процесс определения прав и обязанностей физических и юридических лиц, занимающихся эксплуатацией дикой природы, наряду с разработкой механизмов регулирования ее использования, по своей сути не вытекает из права собственности. Скорее, это непосредственно относится к сфере государственного управления. Иными словами, такие определения являются проявлениями административной функции государства, реализуемой посредством правовых норм публичного (в первую очередь административного) права, а не гражданского права. Это разграничение подтверждается судебной практикой.

Например, в Постановлении Верховного Суда Российской Федерации от 10 августа 2005 г. № 64-Г05-6 прямо утверждается, что вопросы регулирования любительского и спортивного рыболовства водных биологических ресурсов, такие как допустимые сроки, утвержденные методы и орудия добычи, а также более широкие вопросы сохранения водных биологических ресурсов и рациональное использование – находятся в исключительной компетенции административно-правового регулирования. Эти вопросы решаются с помощью административных процедур, а не с помощью механизмов гражданской собственности.

Понятие "использование" в гражданском праве относится к законному извлечению экономически или социально полезных свойств из ресурса, будь то путем прямого

потребления или альтернативных форм получения. Такое понимание согласуется со статьей 1 Федерального закона "О животном мире", которая определяет использование объектов животного мира как включающее их изучение, добычу или приобретение ценности – материальной или нематериальной - любыми способами, с изъятием из их естественной среды обитания или без такового. Важно отметить, что в Законе используются как термины "использование", так и "утилизация", причем последний служит более широкой пояснительной основой для первого.

Ряд ученых придерживаются позиции, что государство в качестве законного владельца устанавливает регулирующие нормы для добычи и эксплуатации природных ресурсов. Однако такое отождествление полномочий собственника с регулирующей компетенцией представляется аналитически необоснованным. Собственность в гражданско-правовом смысле по своей сути не подразумевает полномочий регулировать поведение третьих лиц; такие регулирующие прерогативы, как правило, основаны на суверенных функциях, осуществляемых независимо от статуса собственности как такового.

В рамках гражданского права полномочия на выдачу судебного приказа проявляются как способность определять юридическую траекторию движения имущественных активов. Однако в отношении дикой природы правовая доктрина представляет собой фрагментарную и неубедительную картину, в которой отсутствует единая теоретическая позиция относительно применимости принципов управления собственностью к животному миру.

Часть ученых придерживается мнения, что природные ресурсы, включая дикую природу, находящиеся в государственной собственности, фактически исключаются из гражданского оборота. При такой конструкции общепринятое гражданско-правовое толкование *ius disponendi* – права определять юридическую судьбу собственности, будь то путем отчуждения, уничтожения или иными способами - считается неприменимым.

В то же время существует альтернативная аналитическая точка зрения, утверждающая, что использование дикой фауны осуществляется в рамках государственно-административного вмешательства. В рамках такой парадигмы концептуальное разделение между использованием и утилизацией теряет четкость, поскольку действующим механизмом является не частная автономия, а скорее делегирование полномочий регулирующим органам. Исходя из этого, предположение о том, что дикая природа может быть объектом гражданско-правового распоряжения, является недостаточно обоснованным.

Важно отметить, что законодательные акты, регулирующие использование фауны, предназначеннной для охоты, включают в себя как государственно-административные, так и гражданско-правовые механизмы. Однако такое двойное регулирование отсутствует в законодательстве, касающемся фауны, которая не относится к категории охотничьих видов использования. В этих контекстах классические инструменты гражданского права, такие как договорное право, конкурентный доступ или сервитуты, заметно отсутствуют, что свидетельствует о намеренном исключении частноправового регулирования из этой области.

Более того, когда государство разрешает временное или условное использование дикой природы или других природных активов, это действие не является передачей прав собственности и не устанавливает права частного права на ресурс. Скорее, это делегирование функционально ограниченных разрешений, строго согласованных с определенной экономической полезностью объекта. Эти разрешения ограничены основным требованием: деятельность не должна нарушать экологическую или функциональную целостность рассматриваемого ресурса.

Последствия этого нормативного положения распространяются и на концепцию управления биологическими ресурсами. В частности, административный контроль за режимами доступа, выдача разрешений на использование и надзор за соблюдением норм

управления биологическими ресурсами непосредственно относятся к сфере публичного права. Эти механизмы не опираются на гражданско-правовую логику владения и распоряжения собственностью.

В целом, дикие животные в состоянии естественной свободы не отвечают признакам «вещи», поэтому традиционные вещные права к ним неприменимы. Регулирование их использования носит преимущественно публично-правовой характер; гражданско-правовые средства допустимы лишь фрагментарно. Требуется обновление законодательства, закрепляющее особый публичный режим животного мира в соответствии с конституционными установлениями.

Список литературы:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
3. Федеральный закон от 24.04.1995 №52-ФЗ «О животном мире» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6542/
4. Бандалетова, А. В. Проблемы правового регулирования обращения с животными в Российской Федерации / А. В. Бандалетова // Традиции и новации в системе современного российского права : Материалы XXI Международной научно-практической конференции молодых ученых: в 3 т., Москва, 15–16 апреля 2022 года. Том 1. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 6-7.
5. Дойников, П. И. Об историческом развитии международно-правовой охраны животных / П. И. Дойников // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2022. – № 3. – С. 73-76.
6. Лукахин, И. Охрана животного мира / И. Лукахин, О. П. Неверова // Актуальные вопросы техносферной и экологической безопасности в современных условиях : Материалы круглого стола, Екатеринбург, 17 марта 2024 года. – Екатеринбург: Уральский государственный аграрный университет, 2024. – С. 202-203.
7. Матвеева, С. В. Актуальные проблемы правовой охраны животного мира / С. В. Матвеева // Молодежь - Барнаул : Материалы XXV городской научно-практической конференции молодых ученых, Барнаул, 01–30 ноября 2023 года. – Барнаул: ООО "Алком", 2024. – С. 1274.
8. Нагиев, Г. Г. О правовых аспектах охраны животного мира России / Г. Г. Нагиев // Актуальные проблемы ветеринарной медицины, зоотехнии, биотехнологии и экспертизы сырья и продуктов животного происхождения: Сборник трудов 3-й Научно-практической конференции, Москва, 28 июня 2024 года. – Москва: ООО "Издательство "Сельскохозяйственные Технологии", 2024. – С. 219-220.

